

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕХ МЕЛЬПОМЕНЫ

Ян Вутирас и Виталий Волович

7

ИМЯ НА КАМНЕ

Константин Матвеев и Александр Матвеев

31

ПАРТИЯ В ПОДДАВКИ

Павел Бажов и Георгий Жуков

55

ДОРОГА В НЕБО

Григорий Бахчиванджи и Эдуард Россель

75

ДОМ, КОТОРЫЙ...

Николай Ипатьев и Борис Ельцин

99

ТЫСЯЧА МЕЛОЧЕЙ

*Евгений Малахин (Старик Букашкин)
и Николай Коляда*

135

ВЕСЁЛЫЙ БОГ РАБОТЫ

Белла Дижур и Эрнст Неизвестный

183

ГЛОРИЯ МУНДИ

*Василий Татищев и Евгений Ройзман**

221

КАК СМЕНИТЬ ПЛАСТИНКУ

Владимир Мулявин и Владимир Шахрин

287

ЛИТЕРАТУРА

312

БЛАГОДАРНОСТИ

317

СМЕХ МЕЛЬПОМЕНИ

- 1, 4 *Виталий Волович — художник, который любил петь*
2, 3 *Ян Вутирас — любимец свердловских театралов*
5 *Виталий Волович и Миша Брусиловский*

1

Мальчику — десять лет, театру — двадцать шесть, городу — двести пятнадцать.

Даты определяют жизнь и судьбу, как в опере всё определяет тембр голоса. Теноров любят сильнее, чем баритонов, тенор — герой по определению, а баритону всякий раз приходится доказывать, что он тоже может им стать.

Голоса из чёрных репродукторов долгое время не имели судьбы и жили отдельно от тел, зато у них были имена — тарелки на столбах задушевно объявляли специально для мальчика: *поёт Ян Кипура* (похоже на Йом-кипур, если произносить быстро) или *Беньямино Джильи* — имя звучит без всякой музыки, оно и есть — музыка. Ария Рудольфа из «Богемы»: «Холодная ручонка, надо вам её согреть...»

Мальчик не примерял к себе голоса из чёрных тарелок — воистину инопланетные в бело-сером графичном Свердловске. Разве что в школе пел вместе со всеми и даже танцевал, как умел, — тротмарш.

Мимо театра мальчик ходил довольно часто — белое, со взбитыми сливками, здание-торт. Совсем ещё молодой театр, совсем невеликий мальчик, туман будущего — лист бумаги, на котором пока ещё ничего не нарисовано. Над ним думают, вертят в руках так и этак. Мальчик любит рисовать, возможно, он станет художником. А театр, говорят, был построен по образцам одесского и венского — но мальчик не был ни в Одессе, ни в Вене, ему не с чем сравнивать. Ещё говорят, что проект театра назывался женским именем «Светлана», поэтому мальчик мог бы считать Светланой одну из трёх девушек, пристроившихся на фронтоне здания, но мальчик много читает и знает, что это — музы. Таллия, Мельпомена, Терпсихора. Мельпомена — главная из трёх сестер, нечеховских не-мойр. Она самая высокая (три метра сорок сантиметров) и держит над головой факел — всё правильно, трагедия всегда во главе, и только в свете её факела можно различить другие события жизни — радости, успехи, недолгое счастье...

Родился мальчик далеко от Свердловска: если смотреть по карте — закружится голова, если представить к ней (к карте, а не к голове) школьную линейку — длины не хватит. Иногда не получается мерить всё одной линейкой.

Владивосток, где жила его мама, и Спасск-Дальний, где родился он сам, — далёкие точки на географической карте. Владивосток так опасно висит на боку материка, что кажется, вот-вот рухнет в воду, а рядом с городом Спасск-Дальний кто-то пролил синюю каплю — озеро Ханка. Невозможно

представить себе, как мальчик жил бы в этих городах-точках, они не имеют никакого отношения к ним с мамой — и к Свердловску.

Его мама — писательница Клавдия Филиппова, единственный родной человек. Так сложилось, что других родственников у мамы с мальчиком нет — во всём мире, в Свердловске, в Спасске-Дальнем, в Одессе и тем более в Вене. Конечно, у него был отец (отцы есть — или по крайней мере были — у всех), но тот человек не хотел быть отцом и сказал маме фразу, которая будет горячо биться в висках мальчика всю жизнь: «Выбирай: или я, или ребёнок».

Она выбрала ребёнка, назвала его самым живым, жизненным именем — Виталий. Потом, в очень далёком будущем, расстояние до которого тем более не измерить школьной линейкой, одна умничающая девушка расскажет, что Виталий — монашеское имя: мирян так прежде не называли, не было принято. Второе монашеское имя, по сведениям девушки, — Виктор. Интересно, что мальчика дома называли Витей, а не Виталиком или Виталей.

Ну вот уж монахом он точно не был! И с девушками не только умничал, но всё это было позже. А в 1938 году, когда чёрные тарелки пели на разные голоса, они уже довольно долго жили в Свердловске — почему мама выбрала из всех российских городов именно этот, суровый, заводской, графичный, мальчик не знает и не узнает. Возможно, потому что он был расположен очень далеко от Спасска-Дальнего, где жил мужчина, не желавший стать

отцом, но ставший им? Глядя на Мельпомену, упрямо освещающую фонарём площадь Парижской коммуны, мальчик думает: возможно, потому, что здесь был оперный театр.

В Свердловске его мама много работала, у неё выходили книги, она дружила с коллегами, и они любили её — хотя писатели обычно никого не любят, особенно коллег. К маме нежно относился Павел Петрович Бажов, пока что не превратившийся в бюст на фасаде библиотеки имени Белинского. Ещё один перескок в будущее — иначе нельзя, если пишешь о прошлом. Юная краеведка показывает иностранному гостю бюсты на фасаде Белинки, бойко перечисляя: «Толстой, Маяковский, Белинский, Мамин-Сибиряк, Горький, Пушкин...» Как вдруг запинается, глядя на Бажова: «А это, а это... ещё один Толстой!» Иностранец не удивился — точнее, он уже устал удивляться российскому своеобразию, и почему бы дважды не увековечить на одном и том же фасаде великого русского писателя?

В 1938 году никто не думал о мемориальных досках и славе...

Мама вышла замуж, у отчима были свои сын и дочь, а ещё у него были отличная библиотека, патефон и пластинки. На одной из пластинок записаны куплеты Эскамильо:

Стремясь вперёд,
он кровью уж обагрывает цирк.
Тут у многих духу не хватает.
Твой черёд настает!
Тореадор, смелее!

Тореадор, тореадор!
 Знай, что испанок жгучие глаза
 В час борьбы блестят живей!
 И ждёт тебя любовь, тореадор!
 Там ждёт тебя любовь!

Мальчик до недавней поры с удовольствием ходил в цирк и очень любил его — но Эскамильо поёт совсем о другом цирке. По-русски поёт — все оперы в Свердловске, как и в других театрах СССР, исполнялись в переводе. *Зрители должны понимать, о чём идёт речь на сцене.*

— Это из оперы «Кармен», композитор Бизе, — объяснила мама.

Одноклассница Аля Рылова, в которую мальчик страстно влюблён (он всегда влюблён — для него это нормальное состояние, а не наоборот), ходила в театр *слушать* эту оперу. Ещё одно открытие — оперы не смотрят, а слушают.

Теперь они идут в театр вместе: десятилетняя девочка и десятилетний мальчик — кажется, с ними увязался кто-то ещё, друзья из поющего класса.

Три года до войны.

Билеты на галерею — самые дешёвые, мальчик не знает, что истинные ценители всегда выбирают места *повыше*: здесь самый лучший звук. Жаль, что декорации с галёрки не рассмотришь в подробностях и лица артистов приходится додумывать... В антракте они обязательно спустятся в партер, сидят на стульях фирмы «Тонет», сунут нос в яму, где скучают брошенные инструменты, и — снова вверх по лестнице, *знай своё место*. Где-то там, над

ними, Мельпомена тянет вверх свой факел. По улице сани везут корзину с торфом, покрытым брезентом, мама прячет в шкаф керосинку, которой почему-то нельзя пользоваться в доме, а здесь, на сцене, — Испания, Севилья, табачная фабрика. И вдруг выходят люди — артисты, в костюмах, как и должно быть в театре: но вместо того чтобы говорить, они начинают петь! Кто бы мог подумать, что в опере поётся всё — не только ария про холодную ручонку или куплеты Эскамильо.

Можно спеть целую жизнь.

(Или нарисовать.)

Ни петь, ни рисовать — как говорят о крепко выпивших — это не его случай. Его случай — выбрать одно из двух, вырастить голос (у него — солидный баритон, ну ладно, баритончик!) или положить на тот внутренний, неслышимый голос художника, который в детстве заставлял его плакать от отсутствия чистого листа. Не на чем рисовать — вот это горе.

А вдруг получится и то, и это? Берёшь два горшка на ложку, хватаешь сразу двух зайцев за уши и удобно садишься между двумя стульями фирмы «Тонет» — почему бы и нет? Бородин вообще был химиком — но написал «Князя Игоря». А Чехов — врач. А мальчик представляет себя солистом оперы (лучше бы, конечно, тенором) и в то же время художником, придумавшим декорации к «Аиде», «Травиате», «Фаусту»...

Отныне мальчик ходит в оперный почти каждый вечер — билетёрши кивают ему, как знакомому, иногда пускают бесплатно.

Дома он рисует или читает о рыцарях Круглого стола: так увлекается, что не слышит мамин голос из-за стенки:

— Я ещё утром просила тебя вынести помойное ведро!

Свердловск — выцветший дагерротип, из которого так легко и приятно уйти в другое время, где блестят латы, падают забрала и рыцари ведут себя по-рыцарски, а мушкетёры — по-мушкетёрски.

Однажды летом из чёрной тарелки сказали, что фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину.

Мальчику — тринадцать. Городу — двести восемнадцать. Театру — двадцать девять.

2

Театр оперы и балета, театр оперы — и билета... Не всегда получается выкроить денег, но сердобольные контролёрши иногда кивают ему, не глядя в глаза: «Проходи!» Как будто стесняются собственной доброты. Мальчик так плохо одет — а впрочем, кто сейчас хорошо одет? Рваная телогрейка, башмак с оторванной подмёткой. И голодный, наверное. А впрочем, кто сейчас не голодный?

Мама однажды спросила: что бы ты первым номером сделал, Витя, если бы война закончилась прямо сейчас?

Он ответил быстрее, чем она договорила:

— Купил бы целую булку хлеба и съел её.

Не понял, почему мама заплакала — разве он сказал что-то грустное?

Свердловск, глубокий тыл. Надёжное место для того, чтобы спрятать самое ценное — машиностроительные заводы, картины из Эрмитажа, диктора Левитана, прославленных теноров, баритонов, сопрано и контральто.

Идёт война, а под фонарём Мельпомены идут спектакли.

К ним в квартиру «по уплотнению» вселяют эвакуированных из Одессы — коммерческий директор военного завода Мирон Григорьевич, его жена Лия Львовна и дочка Рая. Вот она, Одесса, сама пришла, как гора из пословицы. Лия Львовна любит оперу, разбирается в музыке — с ней интересно разговаривать, обсуждать голоса и дирижёров. Она поддерживает мальчика и откуда-то знает: опера защитит его, музыка спасёт от войны, а пение — от голода.

Пластинки и походы в театр делают своё дело — теперь мальчик знает наизусть партии Риголетто и Онегина. Вечером на галерее он подпевает любимцам публики — но этого, к счастью, никто не слышит, поёт лишь его внутренний голос.

Других театров мальчик не знает, Свердловский оперный — единственный в его жизни и поэтому самый лучший. Войной — как в невольной рифме, волной — сюда принесло известных дирижёров, музыкантов-виртуозов и солистов, которых знал весь Союз. Густая кровь, мощные голоса, от которых плавится зал и вибрируют ложи.

В 1941 году в Свердловск приезжает греческий баритон Ян Вутирас. В Трапезунде его звали Яннис; новая родина первым делом отхватила пол-имени, а потом последовательно научила бояться и петь.

Поёт он божественно — если допустить, что боги умеют петь.

«Вутиро» по-гречески — «масло». Голос Вутираса — мягкий, южный, с масличным привкусом, баритон. Когда маленькому Яннису исполнилось четыре, турки начали резню в Трапезунде: два ничем не связанных события, одно из которых навсегда изменило жизнь будущего Мазепы, Демона и Фигаро. Тёмной ночью семья Вутирас — родители и четверо ребятишек — бежали на лодке в Батум. Яннис стал Яном, брал уроки музыки у итальянца, потом переехал в Ленинград и учился в консерватории, у самого Николая Большакова. В Свердловске есть улица, названная в честь его однофамильца — пусть это и совпадение, но всё равно приятное. Вутирас окончил консерваторию и получил приглашение в Михайловский театр — это был удачный для него год, 1941-й, он так прекрасно начинался! У него и жена к тому времени была, и дочка — но вот тестю Вутирас не полюбился: бедный, говорит, не чета нам — да ещё и *грека* к тому же. Сунул руку в реку, то есть в карман, а там — дуля. Пусто. Дырка от бублика, на что семью кормить будешь?..

С женой они расстались, но чего стоят планы человека, когда у Бога свой расчёт? Из брошенных в землю Ареса зубов дракона выросли воины, стра-

на разом вспыхнула войной — а в ленинградской дирекции вдруг вспомнили, что новый баритон — грек, иностранец, чужак, потенциально опасный тип. Можно сказать, уже сослали его от греха подалее в Среднюю Азию, да тут подвернулся свердловский оперный директор Макс Ганелин. Перехватил Вутираса буквально в воздухе — как акробат ловит неудачливого товарища, летящего с трапеции.

Главная цель директора провинциального театра — заманить на свою сцену выдающихся артистов. Вечная проблема — не выпустить их впоследствии из города. Каких только партий не пел здесь Вутирас! Как его обожала публика — все стены в подъезде родного дома исписаны признаниями... Поклонницы считали честью постоять в калошах Вутираса, оставленных перед спектаклем в ящике за служебным входом.

Вот девушки в партере возмущаются — нет, ну какая дура Татьяна! Как можно было предпочесть этого Гремина *нашему* Онегину? Я бы, говорит одна, закинула свой малиновый берет куда подальше — и к нему!

Мальчик со своего места в галерее не слышит этих слов и смеха — он ждёт, когда на сцену выйдут обожаемые солисты. Великая «тройка» — Даутов, Китаева, Вутирас. Нияз Даутов — тенор, герой в белом трико. Ленский, Мизгирь, Фауст... О нём шепчут разное, точнее, не разное — как раз таки одно и то же, но любят его так же страстно, как и грека-баритона. Валентина Китаева — сопрано, красавица, Джульетта, Розина, Виолетта. В далёком

будущем мальчик (уже давно не мальчик) придёт на похороны к старенькой примадонне Китаевой — и ни коллег, ни поклонников у гроба не будет. Но вот он же пришёл, Витя, Виталий Михайлович, для которого пела в голодные военные годы Валентина Китаева. Может, он и выжил потому, что они для него пели: Китаева, Даутов, Вутирас...

Позади театра растут две лиственницы — какое всё-таки странное название для дерева с иголками, пусть они и опадают, как листья, и лежат на снегу такие яркие, жёлтые... Пожалуй что, слишком жёлтые. Мальчик чувствителен к цвету, относится к нему с вежливой осторожностью. Он много рисует в последнее время, кажется, у него что-то получается — но очень сложно понять, получается ли это вправду.

В доме очень холодно, и в художественном училище, куда приняли мальчика, тоже. Вода в стаканчиках покрывается коркой льда, ученики пробивают её кисточками. На улице теплее, чем здесь, пытаются шутить кто-то.

Слова «холод» и «голод» отличаются одной лишь буквой и повсюду ходят вместе. Когда ешь, немного согреваешься. Когда чуть согреешься, голод ненадолго отступает.

Мама болеет, и однажды мальчик не может найти дров, чтобы растопить печь. Он ворует берёзовую чурку с чужой поленницы, и мама страшно кричит на него. Это так несправедливо, ведь он украл полено для неё, чтобы она согрелась...

В ТЮЗе идёт спектакль по маминой пьесе «Костя-партизан». В дом приходят писатели, актёры,